

труд этот настолько необходим, что никакое государство не может без него продержаться ни одного года; пища их настолько скудна, жизнь они ведут настолько жалкую, что положение скотины может показаться гораздо лучшим! Ведь у скотины и труд не везде таков, и пища ненамного хуже, и ей она даже больше подходит; в то же время у скотины нет никакого страха за будущее. А людей ныне измучивает напрасный, бесполезный труд и убивает мысль о нищете в старости, оттого что ежедневно им платят меньше, чем может хватить за день, и у них не скапливается, не остается ничего лишнего, чтобы можно было отложить на старость.

Разве справедливо и благодарно такое государство, которое расточает столь великие дары так называемым высокородным, золотых дел мастерам и прочим такого рода бездельникам или же льстецам, изобретателям пустых удовольствий?! Оно нисколько не заботится о земледельцах, угольщиках, работниках, возницах и ремесленниках, без которых не существовало бы вообще никакого государства. Злоупотребив их трудом в расцвете их жизни, в годы, когда они отягощены болезнью и терпят во всем нужду, забывают их бессонные ночи, не помнят ни о каких их благодеяниях и в высшей степени неблагодарно расплачиваются с ними самой жалкой смертью.

Еще хуже то, что богатые из дневного заработка бедных некоторую сумму вымогают не только личным обманом, но и с помощью государственных законов; таким образом, если прежде казалось несправедливым давать очень низкое вознаграждение за очень высокие заслуги перед государством, то теперь все извратили и, наконец, издав закон, объявили это справедливым.

Поэтому, когда я внимательно наблюдал и размышлял обо всех государствах, которые процветают и донныне, честное слово, не встретил я ничего, кроме некоего заговора богатых, под предлогом и под именем государств думающих о своих выгодах. Они припоминают и измышляют все пути и способы, чтобы, во-первых, не боясь потери, суметь удержать то, что они сами накопили пагубными ухищрениями, а потом – для того, чтобы откупить для себя труд всех бедных людей и воспользоваться им, заплатив за него как можно дешевле. Эти затеи стали уже законом, как только богатые от имени государства, а значит и от имени бедных, постановили однажды, что их нужно соблюдать.

И это очень плохие люди со своей ненасытной жадностью поделили между собой все то, чего хватило бы на всех! Сколь далеко им, однако же, до счастья государства утопийцев! Совсем уничтожив само употребление денег, утопийцы избавились и от алчности. Какое множество бед отсекали они, какую жатву преступлений вырвали они с корнем! Ибо кому не известно, что с уничтожением денег отомрут обманы, кражи, грабежи, раздоры, возмущения, тяжбы, распри, убийства, предательство, отравления, каждодневно наказывая которые, люди скорее мстят за них, чем их обуздывают; к тому же одновременно с деньгами погибнут страх, тревога, заботы, тяготы, бессонные ночи. Даже сама бедность, которой одной только, казалось, и нужны деньги, после полного уничтожения денег тут же сама исчезнет.

Это станет яснее, если ты представишь себе какой-нибудь бесплодный и неурожайный год, в который умерло от голода уже много тысяч людей; я открыто заявляю, что если бы в конце этого голода перерыли амбары богатых людей, то в них нашли бы так много хлеба, что, распределив его среди тех, кто погиб от бедности и болезни, никто бы вообще не почувствовал этой скупости неба и земли. Так легко было бы добыть себе пищу, если бы не блаженные эти деньги, которые, по общему мнению, были славно придуманы, чтобы открыть доступ к пропитанию, а они-то теперь и преграждают нам путь к пропитанию.

Не сомневаюсь, что это чувствуют даже богатые; они хорошо знают, насколько лучше такое положение, когда нет нужды ни в чем необходимом, чем то, когда есть много лишнего; насколько лучше вырваться из многочисленных бедствий, чем оказаться заложником великого богатства! У меня нет никакого сомнения в том, что весь мир с легкостью давно бы уже перенял законы утопийского государства как по причине собственной выгоды, так и под влиянием Христа-Спасителя (который по великой мудрости Своей не мог не знать, что лучше всего, а по благодати Своей не мог присоветовать того, о чем знал, что оно – не лучше всего); но противится этому одно чудовище, правитель и наставник всякой гибели – гордыня. Она измеряет счастье не своими удачами, а чужими неудачами. Она даже не пожелала бы стать богиней, если бы не осталось никаких убогих, над которыми можно было бы ей властвовать и глумиться, только бы ее собственное счастье сияло при сравнении с их убожеством, только бы, выставив свои богатства, мучила она их и усиливала их бедность. Эта Авер-нская змея обвивает сердца смертных, чтобы не стремились они к лучшему пути жизни, и, словно рыба-прилипало, задерживает их и мешает им.